

Беликова Т. В.

**Межкняжеские отношения галицко-волынских князей
во второй половине XII — начале XIII вв. в терминологии источников**

Анализируя межкняжеские отношения древнерусских князей различных русских земель конца XI — начала XIII вв. между собой, с киевским князем или иноземными правителями, исследователи испытывают затруднения в определении их характера, не случайно дают порой противоположные оценки, усматривая в них черты или элементы вассально-сюзеренных отношений, отношения зависимости или равноправные (межгосударственные) союзнические.

В летописных источниках используется различная терминология для определения межкняжеских связей. Сначала они «рядятся» в родовую терминологию: «брат», «сын», «отец», «старейший брат» и т.п. Позже появляются и термины, обозначающие служебный характер взаимоотношений: ездить «подле твой стремя», быть «на всех местах» с князем-сюзереном, в «послушаньи ходити» и т.п. С середины XII в. встречается и термин «ротник». Как правило, в научной литературе эти термины относят к категориям, обозначающим вассальные отношения. В этой связи И.Я. Фроянов справедливо отмечал зыбкость вассальных отношений, незавершенность процесса их становления, что сказывалось и на неустойчивости и терминологической сбивчивости наших источников в определении характера межкняжеских отношений, и на разрыве старых вассальных связей и формировании новых¹.

Действительно, отмеченная терминология широко используется современниками в отношении князей самостоятельных русских земель рассматриваемого нами периода: XII — начала XIII в. И образ действий древнерусских князей, в отношении которых применяется данная терминология, иногда не вписывается в наши обычные представления о зависимости.

Так, к примеру, могущественный князь Галича Ярослав Осмомысл, который, согласно летописи «славен полки», «где бо бяшетъ ему обида»², наряду с польскими князьями, назван в летописи «ротником» владимирского князя Мстислава Изяславича³. «Ротничество» В.Т. Пашуто относил к категориям вассалитета, однако допускал, что «иногда под нормами вассалитета скрывались... отношения равновластия»⁴. Полагаем, что именно союзнические отношения установились между владимирским и галицким князьями. Галицкий князь ока-

¹ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории // Начала Русской истории. Избранное / Отв. ред. Ю. Г. Алексеев. М., 2001. С. 533–536.

² ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 656.

³ Там же. Стб. 533.

⁴ Пашуто В.Т. Особенности структуры древнерусского государства // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 104; Его же. Черты политического строя Древней Руси // Там же. С. 52–53.

зывает помощь Мстиславу Изяславичу в его борьбе с киевским князем. В другом месте Ярослав Осмомысл именуется «ротником» дорогобужского князя⁵. Разумеется, ни о какой подчиненности сильного князя Галича князю второстепенного Дорогобужа не может быть и речи. Летописец подчеркивает, что именно дорогобужский князь «преступил крест» к своему «ротнику» и явно был более слабым князем, постоянно нарушая крестное целование и «бегая передо Мстиславом ово в Галеч, ово в Угры, ово в Рязань, ово в Половцих»⁶.

Интересен в этой связи конфликт владимирского князя Романа Мстиславича и его тестя киевского князя Рюрика Ростиславича. С одной стороны, владимирский князь получает «лучшую» волость от киевского князя с условием «блюсти» и «стеречь» ее: города Торческ, Треполь, Корсунь, Богуславль, Канев; обещает быть во всей воле киевского князя и чтить его «в отца место». Типичная ситуация для возникновения на основе пожалования волости в кормление служебных отношений и типичная служебная терминология. Но с другой стороны, перед нами специфическая нетипичная ситуация, характеризующая межкняжеские отношения между князьями сильнейших самостоятельных русских земель. Этой же волости от киевского князя с обидой не просит, а требует суздальский князь Всеволод Юрьевич, за которым русские князья признали «старейшинство» среди Мономаховичей. Суздальский князь обвиняет Рюрика Ростиславича в том, что тот не дал ему «части» в Русской земле, и ситуация была близка к началу военных действий между князьями. Примечательно, что киевский князь, несмотря на угрозу разрыва отношений с Романом Мстиславичем, отдает требующую «лучшую» волость суздальскому князю, без которого, как сам и признается, ему «нельзя быть». И причины очевидны, они сформулированы в источнике. Рюрик Ростиславич вынужден считаться с традиционными представлениями о старейшинстве: Всеволод Юрьевич признан старейшим князем. На этой основании киевского князя в его действиях поддерживает и митрополит, снимая с Рюрика Ростиславича «крестное целование», данное «молодшему» князю Роману Мстиславичу. Немаловажное значение имеет и угроза, которая исходила от владими́ро-суздальского князя, пригрозившего отказом в защите Русской земли и, вероятно, военными действиями против Киева. Следует учитывать, что Киевская земля накануне нашествия Батгя «была... одной из самых ослабленных волостей Древней Руси»⁷. Обращает на себя внимание еще одна характерная деталь: оказывается, «часть» в Русской земле можно было заменить «кунами», т.е. заплатить за помощь, на что соглашался Роман Мстиславич⁸.

Вероятно, отношения между князьями самостоятельных древнерусских земель, облачаясь в существовавшую ранее терминологию и практику, носили двойственный характер: сочетали в себе черты вассальных отношений и союзнических. Эти связи были непрочными. Князья с легкостью возвращали «крестные грамоты», нарушали клятвы и обязательства, разрывали отношения, в зависимости от быстро менявшейся ситуации, расстановки сил и преследуемых интересов и выгод, вмешательства советников-бояр и волостных общин.

⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 566.

⁶ Там же. Стб. 567.

⁷ Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 83.

⁸ Там же. Стб. 684–686.

Вполне понятно, что в основе союзнических взаимоотношений лежали определенные интересы, стремление добиться выполнения оговоренных условий. Вместе с тем, очевидно, что и сами союзнические отношения вовсе не исключали неравноправия сторон и понятия вассалитета, зависимости, что взаимоотношения между князьями, в том числе и союзнические, выстраивались на основе архаических представлений, в основе которых лежали традиции дара-отдарка.

Обмен подарками представляет собой универсальное архаическое явление, пронизывающее все стороны жизни архаического общества⁹. Особую роль дара в практике древнерусских князей как ординарного, распространенного механизма общения князя с населением и формирования престижности княжеской власти подчеркивает И.Я. Фроянов¹⁰. Примечательная особенность дара заключается в неотвратимости обратного действия — отдарка. И эта неотвратимость, согласно существовавшим представлениям, обуславливала зависимость человека, получившего дар до тех пор, пока он не снимал эту зависимость ответным действием, возмещавшем дар. На компенсирующий характер дара (возврат) обращает внимание Ю.В. Кривошеев, рассматривая с позиций дарений и систему межкняжеских отношений, в том числе, внешнеполитическую сферу деятельности древнерусских князей и систему русско-ордынских отношений (дань-ярлык). Существенное значение имеют наблюдения об условиях возврата отдарка: его отсутствие или неполнота возврата, несмотря на внешнюю добровольность дара могли привести к конфликтам¹¹. Исследования практики дара-отдарка (поминок) показали достаточно широкое распространение архаических представлений в механизме выстраивания межгосударственных отношений русских земель и даже Московского государства¹².

Архаические представления о даре-отдарке лежали в основе и вассальных, и союзнических межкняжеских отношений. Сами союзнические отношения воспринимались в древнерусском обществе неоднозначно, включая в себя одновременно и отношения равноправия, и отношения зависимости. Равноправными они были, поскольку формировались между правителями самостоятельными земель, зависимыми — поскольку строились на системе представлений дара-отдарка.

На наш взгляд, есть основание полагать, что участие в походе, военная помощь вознаграждались определенными уступками в каждом отдельном случае по архаическому принципу дара-отдарка. Так, после военной кампании 1150 г., где на стороне киевского князя Юрия Долгорукого принял участие галицкий князь Владимир Володаревич, последний взял «по велению» Юрия Долгорукого «волюсть». По-видимому, это были города Шумск, Выгошев, Тихомль, Гноиница и Бужск. Именно они упоминаются в летописи как спорные «русские города» в конфликтах Галича и Волыни¹³. Н.Ф. Котляр обоснованно увидел в

⁹ Мосс М. Общество. Обмен. Личность. М., 1996.

¹⁰ Фроянов И.Я. Киевская Русь... С. 618.

¹¹ Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. Исследования по истории северо-восточной Руси XII-XIV вв. СПб., 2003. С. 263–264.

¹² Никонов С.А. «Дар» и «поминок» в политических взаимоотношениях Пскова и Москвы второй половины XV — начала XVI века // Вестник Удмуртского университета. 2006. № 7.

¹³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 453, 464.

этом пожаловании «своеобразную плату за помощь»¹⁴. Позже Ярослав Галицкий, помогавший Юрию Долгорукому «искать волости» Владимиру Андреевичу, тотчас посылает посольство за Иваном Берладником, очевидно обещанным ему: во всяком случае, киевский князь имел намерение выдать Берладника и даже «приведе» его в Киев¹⁵. В следующем году после похода на Туров с новым киевским князем Изяславом Давыдовичем, «искавшем волости» Владимиру Мстиславичу, галицкий князь считает себя вправе вновь потребовать выдачи Берладника, которая не состоялась в предыдущем случае, и смерть союзника галицкого князя Юрия Долгорукого не дает возможности определить последствия невыполнения обещания¹⁶. Интересен пример с городом Шумском. Этот город находился среди захваченных еще галицким князем Владимиром Володаревичем «русских городов», как уже отмечалось, спорных между галицкими и волыньскими князьями. В 1171 г. он принадлежал уже Дорогобужу: согласно летописи, выступивший против дорогобужского князя Мстислав Изяславич «взведе» его город Шумск. Вероятно, Шумск был отдан дорогобужскому князю в качестве платы за выступление на стороне Ярослава Осмомысла против киевского князя «про Ивана Берладника»¹⁷. В пользу данного вывода свидетельствуют следующие обстоятельства. Мстиславу Изяславичу брат Шумск в 1171 г. помогали «галичане»¹⁸. Однако никаких претензий галицкого князя на Шумск в источнике не прослеживается. Следовательно, город отдан был вполне добровольно, и это могло произойти только в качестве вознаграждения за союзнические действия дорогобужского князя на стороне Ярослава Осмомысла. Источники не содержат никаких сведений о военных конфликтах предшествующего времени между галицким и дорогобужским князьями. Едва ли здесь можно усматривать пожалование Шумска, а также нет никаких оснований говорить и о завоевании города у могущественного Ярослава Осмомысла.

Обратим внимание на отношения между Романом Мстиславичем и правителями Польши. Роман Мстиславич, двоюродный брат польских князей Казимировичей, согласно хронике Винцетия Кадлубка, воспитывался при дворе польского князя Казимира. Казимиру Кадлубек приписывает и посажение Романа Мстиславича на владимирский стол¹⁹. Источники сообщают о неоднократных попытках Романа Мстиславича опереться на польскую помощь в решении своих проблем. Так, под 1195 г., Роман Мстиславич обратился к Польше за поддержкой в борьбе против киевского князя Рюрика Ростиславича и владимиро-суздальского князя Всеволода Юрьевича, но получил в ответ: «мы быхом тебе раде помогле. Но обидить насъ стрый свой Межька, ищет под нами волости, а переже оправи насъ, а быхом быле вси Ляхове не раздно, а за одним быхом

¹⁴ Котляр Н.Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волыньской Руси XI—XIII вв. Киев, 1985. С. 84.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 488.

¹⁶ Там же. Стб. 497.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Стб. 547.

¹⁹ Хроника магистра Винцетия Кадлубка // Щавелева Н.И. Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты. Перевод. Комментарий. М., 1990. С. 109.

щитом быле с тобою и мстили быхом обиды твоя»²⁰. Соответственно, Роман Мстиславич отправляется в поход на помощь наследникам Казимира, его сыновьям Лешко и Конраду, понимая, что в его интересах утвердить на престоле детей Казимира и получить помощь в борьбе с киевским князем. Однако сам князь терпит поражение²¹. Позже владимирский князь вновь обращается за помощью к 13-летнему польскому князю Лешко уже с целью завоевать Галич (лишившийся князя и правящей княжеской династии), за который разгорелась борьба между многочисленными претендентами — русскими князьями.

Интерес исследователей привлекает польский текст, передающий обсуждение поляками возможности оказания помощи русскому князю. Согласно хронике Кадлубка, Роман Мстиславич за помощь просит «обязать его вечным подданичеством, с тем, чтобы благодаря его покорности он [Лешко] стал господином над всеми русскими князьями и управлял бы через него землями партов, пусть только он его не князем Галиции, а наместником (*procuratorem* — Т.Б.) своим назначит»²².

Факт помощи владимирскому князю со стороны Польши у исследователей не вызывает сомнений. Однако зависимость, в которую вступает Роман Мстиславич по отношению к малолетнему польскому князю Лешко, отрицается многими исследователями. Сведения польского хрониста рассматриваются как тенденциозные, отражающие стремление их автора «исторически обосновать» притязания на завоевание краковским князем соседних русских земель²³. А.В. Майоров, анализируя рассматриваемые события, допускает установление отношений вассалитета, тем более что практика сложившихся на Руси межкняжеских отношений не отрицала вассальной зависимости от правителей других земель, но не признавала присоединения подвластных им земель, как представляется у польских хронистов, тем более, что вассальные обязательства не воспринимались как обязательные²⁴.

В изложении польской хроники обсуждения вопроса о помощи есть примечательные аргументы, заслуживающие пристального внимания. Приближенные Лешко не были едины в своих суждениях, их мнения разделились: одни были против оказания помощи русскому князю, считая, что «небезопасно из подчиненного делать себе равного, и потому что гораздо полезнее самому обладать чем-либо большим и нужным, нежели передать другому, и узы союза чужеземца с чужеземцем редко бывают неразрывны»²⁵. Следовательно, князь соседней Галицкой земли воспринимался его оппонентами равным по своему положению польскому князю.

²⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 686–687.

²¹ Хроника магистра Винцетия Кадлубка... С. 109.

²² Там же. С. 110.

²³ Щавелева Н.И. Польские латиноязычные средневековые источники... С. 134, 139. См. также: Włodarski B. Polska i Ruś 1194–1340. Warszawa, 1966. S. 18–21; Головки А.Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X — первой трети XIII вв. Киев, 1988. С. 87.

²⁴ Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 326–237.

²⁵ Хроника магистра Винцетия Кадлубка... С. 110.

Сторонники союза с Романом Мстиславичем аргументировали свою позицию не только апелляцией к родственным связям князя, отмечая его достаточно близкое родство с польской княжеской династией во «втором колене», но и тем, что называли его «помощником и даже как бы наставником нашего государства»²⁶. Подобные высказывания наводят на мысль о значительных услугах, оказанных Романом Мстиславичем польским князьям и, главное, об осознании и признании этих услуг в среде польской знати. Таким образом, сами польские источники несут в себе противоречивую информацию, изображая Романа Мстиславича и в качестве зависимого от Польши князя, и в качестве равного польским князьям по своему статусу, и даже князем, которому польские правители в определенной степени обязаны, хотя Роман Мстиславич, согласно терминологии польских источников, демонстрировал постоянную «верность» и «послушание». Можно согласиться с А.В. Майоровым, который, отмечая эту противоречивость польских источников, не считает целесообразным отвергать достоверность рассказа Кадлубка. По его мнению, рассказ польского хрониста передает реальное противоречие интересов сторон, представленных в событиях²⁷.

Однако, как представляется, в рассказе Кадлубка нашла отражение не только противоречивая позиция участников событий, но и своеобразное восприятие межкняжеских отношений через призму дара-отдарка, придававшего двойственность этим отношениям. Обратим внимание и еще на одно высказывание польских источников. Среди аргументов сторонников Романа Мстиславича звучит следующий: «чрезвычайным беззаконием является... не отплатить ближнему взаимной услугой»²⁸, «не воздать долг ближнему»²⁹. В таком случае, помощь в завоевании Галича для Романа Мстиславича представляется в глазах поляков как плата (отдарок) за какую-то предшествующую услугу.

Таким образом, союзнические отношения князей Юго-Западной Руси с правителями соседних земель носили двойственный характер: являясь отношениями между правителями самостоятельных земель, они в то же самое время рассматривались через призму архаических представлений дара-отдарка, предусматривавших наступление зависимости, хотя и преходящей в результате компенсационного ответного действия-дара или постоянно меняющейся ситуации, столкновения различных интересов и политических сил. Подобный взгляд на сущность межкняжеских отношений легко был приспособлен для дальнейшего обоснования претензий Польши и Венгрии на соседние древнерусские земли. Помощь галицким и волынским князьям в завоевании стола сопровождалась включением Галиции и Лодомерии соответственно в титулатуру венгерских и польских правителей, а затем и непосредственными военными действиями за обладание этими землями.

²⁶ Там же.

²⁷ Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь... С. 328.

²⁸ «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI—XIII вв. (перевод и комментарии) / Под ред. В. Л. Янина; Сост. Л. М. Попова, Н. И. Щавелева. М., 1987. С. 135–136.

²⁹ Хроника магистра Винцентия Кадлубка... С. 111.

Источники и литература:

1. «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI—XIII вв.: (перевод и комментарии) / Под ред. В. Л. Янина; Сост. Л. М. Попова, Н. И. Щавелева. М., 1987.
2. *Włodarski B. Polska i Ruś 1194-1340.* Warszawa. 1966.
3. *Головки А.Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X-первой трети XIII вв. Киев, 1988.
4. *Котляр Н.Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси XI—XIII вв. Киев, 1985.
5. *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы. Исследования по истории северо-восточной Руси XII—XIV вв. СПб., 2003.
6. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001.
7. *Мосс М.* Общество. Обмен. Личность. М., 1996.
8. *Никонов С.А.* «Дар» и «поминок» в политических взаимоотношениях Пскова и Москвы второй половины XV — начала XVI века // Вестник Удмуртского университета. Серия «История». 2006. № 7. С. 63–77.
9. *Пашуто В.Т.* Особенности структуры древнерусского государства // *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 77–127.
10. *Пашуто В.Т.* Черты политического строя Древней Руси // *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В.* Древнерусское государство и его международное значение. С. 11–75.
11. ПСРЛ. Т. 2. М., 1998.
12. *Фроянов И.Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории // Начала Русской истории. Избранное / Отв. ред. Ю.Г. Алексеев. М., 2001.
13. *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. Л. 1988.
14. Хроника магистра Винцентия Кадлубка // *Щавелева Н.И.* Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты. Перевод. Комментарий. М. 1990. С. 76–140.